

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

(ГОДЪ ОСМНАДЦАТЫЙ.)

ЯНВАРЯ 15. № .2 1882 ГОДА.

РЪЧЬ,

сказанная въ день празднованія четвертой годовщины Попечительства о бѣдныхъ воспитанникахъ Вологодской семинарии, 13 Декабря, 1881 года.

(Продолженіе).

До 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія антирелигіозныя идеи запада имѣли, можно сказать, незначительную часть адептовъ въ нашемъ отечествѣ. Число ихъ ограничивалось преимущественно привилегированнымъ сословіемъ *бюмонта* и небольшимъ кругомъ другихъ людей, внимательныхъ къ движеніямъ и проявленіямъ Европейской мысли и имѣвшихъ исключительную возможность пользоваться западною литературою. Благодаря строгости цензуры, изолированности и замкнутости передовыхъ классовъ, эти заносныя убѣжденія находили себѣ радушный пріютъ только въ ихъ семействахъ и тѣхъ лицахъ, которыя почему либо стояли къ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Они сдѣлали эти кружки равнодушными къ религіи, а нѣкоторыя особы даже ренегатами нашей отечественной православной церкви. Подъ вліяніемъ ихъ нѣмецъ, англичанинъ, а всего болѣе французъ сталъ необходимымъ членомъ каждой привилегированной фамиліи, и имъ главнымъ образомъ вручалось воспитаніе дѣтей. Европейизмъ сталъ входить въ плоть

и кровь этихъ, только повидимому, русскихъ людей. Они любятъ и дорожатъ, не исключая и религіозныхъ понятій, всѣмъ западнымъ болѣе, чѣмъ своимъ роднымъ, и желали бы всѣхъ русскихъ преобразовать на манеръ западныхъ жителей, не соображаясь внимательно съ положеніемъ и условіями жизни нашего отечества. Живя въ Россіи, они говорятъ и пишутъ большею частію на иностранныхъ языкахъ. Считааясь православными, почти никогда не бывають въ храмахъ божіихъ и съ пренебреженіемъ относятся ко всѣмъ правиламъ и уставамъ нашей церкви. Подвиги христіанскаго благочестія, наравнѣ со всякимъ тяжелымъ трудомъ они предоставили однимъ русскимъ *темнымъ* людямъ, т. е. незнакомымъ съ либеральными теоріями запада, оставивъ за собой исключительное право жить въ эмпирияхъ високоумія и вольныхъ мечтаній....

Съ 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія, когда дана большая свобода печати, все, что скрывалось внутри душъ, присягнувшихъ культу Европейскаго разума, стало выходить наружу и популяризоваться въ разныхъ книгахъ, періодическихъ литературныхъ изданіяхъ и газетахъ. Тутъ наша бѣдная по количеству и качеству западная интеллигенція вдругъ стала воздыматься и расширяться, бурлить и шумѣть, подобно незначительной рѣчкѣ, обогатившейся во время весенняго таянія снѣга притоками чужихъ водъ, со всѣми ихъ нечистотами и мусоромъ. По выраженіямъ этой печати веого лучше судить, какой складъ убѣжденій и какія стремленія наполняли души нашихъ русскихъ западниковъ. По ней мы можемъ видѣть, какъ были легкомысленны и непостоянны эти люди, *пробавлявшіеся чужимъ умомъ и влявшіеся всякимъ вѣтромъ ученія.* Порвавши священный союзъ со Христомъ, съ Его церковію и преданіями почтенной старины и не выработавъ терпѣливымъ, самостоятельнымъ трудомъ здравыхъ философскихъ началъ и устойчивыхъ нравственныхъ правилъ жизни, они какъ пьяные, хватаются за всякій западный авторитетъ, думая въ немъ найти опору своему колеблющемуся уму, непостоянному сердцу и разслабленной волѣ. Русская литерату-

ра, созданная ими въ это время, живо напоминаетъ женщину легкаго поведенія, въ образѣ которой нѣкогда пророкъ Іеремія представлялъ Іудейскій народъ, когда послѣдній оставилъ истиннаго Бога и уклонился въ идолопоклонство, пристрастившись къ грѣховнымъ удовольствіямъ язычниковъ. *Подними твои глаза и посмотри*, взывалъ онъ къ этой дочери Іерусалима, *иди она не любодѣйствовала съ тобою! У дороги ты сидѣла, какъ Аравитянинъ въ пустыни, со многими любовниками блудодѣйствовала, и осквернила землю блудомъ твоимъ и лукавствомъ твоимъ* (Іер. III. 1, 2; II. 1). Съ кѣмъ, съ кѣмъ, вслѣдствіе праздной жизни и пустоты душевной, не входила въ прелюбодѣйныя связи и наша пресловутая интеллигенція! И съ Вольтеромъ, и съ Гегелемъ, и съ Боклемъ, и съ Дарвиномъ, и съ Огюстомъ Контонъ, и съ Миллемъ, и съ Шопенгауеромъ, и съ Дреперомъ и съ Ляйелемъ—и съ разными развращенными умомъ и сердцемъ французскими романистами. Но всѣхъ болѣе по праву и вкусу ей пришлись Бюхнеръ, Фейербахъ, Фохтъ и Мошоттъ. Въ нихъ она нашла уже полное удовлетвореніе своимъ животнымъ склонностямъ и сладострастнымъ влеченіямъ. Что же дала и даетъ намъ эта литература? Говорятъ, что отъ прелюбодѣйницы не бываетъ плода не только хорошаго, но даже никакого. Не тоже ли мы видимъ въ результатахъ этой прелюбодѣйной связи нашей западной интеллигенціи съ разными кумирами, составляющими культъ разума? Положительнаго, истинно разумнаго и нравственнаго она не создала, а подарила и осквернила Русскую землю такъ называемымъ „*нигилизмомъ*“. Что такое *нигилизмъ*? Онъ самъ въ себѣ ничто, и его имя держится только на отрицаніи всего, чѣмъ жизнь преимущественно дорога и священна. У нигилистовъ нѣтъ ни Бога, ни души въ человѣкѣ, ни безсмертной будущей жизни, ни богоустановленнаго общественнаго порядка, для нихъ не существуетъ семейныхъ законовъ, ни другихъ нравственныхъ правилъ, которыми человѣчество искони вѣковъ водится въ различеніи добра и зла. Они наравнѣ съ животными считаютъ реальнымъ только то, что поддерживаетъ

физическое существованіе, и вся дѣятельность, всѣ подвиги и геройство выражаются у нихъ главнымъ образомъ въ борьбѣ за это существованіе. Распространяться въ дальнѣйшей характеристикѣ ихъ нѣтъ нужды. Они такъ всѣмъ извѣстны по своей жизни и дѣятельности, типъ ихъ такъ глубоко врѣзался въ памяти и сердцахъ русскихъ людей, что самое яркое описаніе ничего не прибавитъ къ тому образу, который они начертали сами своими ужасными злодѣянiями. Надъ ними вполнѣ оправдались слова Апостола, сказанныя имъ о безбожныхъ язычникахъ своего времени: *такъ какъ они не заботились имѣть Бога въ разумъ, то предалъ ихъ Богъ превратному уму дѣлать непотребства; такъ что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбiя, злобы, исполнены зависти, убійства, распрей, обмана, злонаравiя, злорѣчiивы, клеветники, болоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобрѣтательны на зло, непослушны родителямъ, безразсудны, въроломны, нелюбовны, непримиримы.* — (Римл. 1, 28—31). Если бы мы взяли на себя трудъ прослѣдить литературу нашихъ западныхъ интеллигентовъ и особенно рьяныхъ изъ нихъ, увлекающихся западными мудрецами съ атеистическими убѣжденiями до оболъщенiя, то, безъ всякаго сомнѣнiя, нашли бы въ ней всѣ признаки и преступныя увлеченiя этихъ *обезумѣвшихъ мудрецовъ, осуетившихся въ своихъ умствованiяхъ и омраченныхъ въ своемъ сердцѣ*, которыхъ выставилъ Апостолъ въ своемъ посланiи къ Римлянамъ. Они постоянно обличаются въ тенденціозной лжи и въ своихъ стремленiяхъ *подавить истину неправдою*. Въ своихъ сужденiяхъ о разныхъ метафизическихъ вопросахъ или по натурѣ—философiи они намѣренно проводили атеистическія идеи и упорно умалчивали о такихъ авторитетахъ западной науки, которые примиряютъ научныя данныя съ божественнымъ откровенiемъ. Ихъ не одинъ разъ справедливо обвиняли въ *злорѣчiи, клеветѣ, корыстолюбiи и подкупѣ*, въ силу котораго они, подобно Валааму, пишутъ или хулу или хвалу, изрекаютъ или благословеніе или проклятiе. Весьма много можно встрѣтить въ

литературѣ ихъ такихъ мыслей, которыми оправдывается и даже поощряется ненормальность и преступность половыхъ отношеній, при чемъ выражается полное пренебреженіе къ церковному ученію о святости брака. Въ этомъ отношеніи она такъ подобострастна и услужлива грѣховной природѣ чело-вѣка, что приводитъ разныя яко бы научныя теоріи для извиненія противозаконныхъ связей, воспѣваетъ плотскую лю-бовь въ сладкозвучныхъ стихахъ, или изображаетъ въ обаяте-льныхъ сладострастныхъ картинахъ, обольщающихъ и растлѣ-вающихъ сердца читателей. Честное супружество она часто называетъ *насиліемъ нравственнаго чувства* и одобряетъ пря-мо или косвенно *распутство*. И увы! въ наше время наруше-ніе седьмой заповѣди у многихъ и многихъ адептовъ этой литературы уже не считается грѣхомъ, и они нахально бра-вируютъ и рисуются своимъ соблазнительнымъ поведеніемъ предъ глазами всѣхъ, нисколько не боясь оскорбить обще-ственную совѣсть. Нужно ли говорить и доказывать, что *не-послушаніе родительской власти, своевольное, дерзкое и безраз-судное противленіе начальству, убійство* и самоубійство ста-ли быстро умножаться въ русской землѣ между молодымъ по-колѣніемъ именно тогда, когда западная интеллигенція полу-чила свободу распространять свои безнравственные и атеисти-ческія идеи! . . . Но это такъ ясно подтверждается многочи-сленными, общеизвѣстными фактами, сопровождаемыми сле-зами и рыданіями отцевъ и матерей, что не слѣдуетъ на этомъ долго останавливаться...

Относясь съ презорствомъ къ христіанской вѣрѣ, она и въ своихъ читателяхъ стремится образовать *богоненавистни-ковъ*, и для этой цѣли прибѣгаетъ къ разнымъ лукавымъ средствамъ и хитро рассчитаннымъ обманамъ. Опасаясь го-ворить открыто, она избираетъ для проведенія въ публику своихъ темныхъ антирелигіозныхъ мыслей такія литературныя формы, гдѣ дается полный просторъ живой фантазіи пред-ставлять небывлицы въ лицахъ, напримѣръ—романы, бытовые очерки, повѣсти, рассказы, легенды, саги и пр. Такъ, чтобы

унизить значеніе христіанства и выставить наглядное превосходство предъ нимъ разума, какъ болѣе надежнаго нравственнаго руководителя въ жизни, она изобразить вамъ въ какомъ нибудь романѣ два лица:—одно какъ представителя христіанской вѣры, другое—какъ представителя научныхъ убѣжденій самой послѣдней формациі, но невѣрующаго и нежелающаго даже слышать о христіанствѣ. На первое лице она наложитъ всѣ возможные признаки животнаго эгоизма, своекорыстія, жестокосердія, фанатизма, хитрости, лицемерія и вѣроломства,—вложить въ него такія гнусныя мысли, чувства, рѣчи,—внесетъ въ исторію его дѣятельности такіе омерзительные поступки, что оно, представляясь въ такой отвратительной картинѣ, бросаетъ мрачную тѣнь и на христіанскую вѣру, какъ главную руководительницу его жизни. Но за то второе лице она непременно представитъ въ образѣ ангела свѣта. Она не пожалѣетъ дорогихъ красокъ, чтобы изобразить его въ самомъ привлекательномъ видѣ, явленіемъ самымъ отраднымъ и симпатичнымъ. Она дастъ ему и свѣтлый проныцательный умъ и благородное, гуманное, честное сердце и героическую твердость воли, способной на всякіе подвиги самоотверженія во имя истины, правды и любви... Понятно, какія преслѣдуются цѣли этими фантастическими картинками! Вотъ-де, любезные читатели, смотрите, какихъ негодныхъ людей даетъ намъ христіанство и, напротивъ какія свѣтлыя личности образуютъ науки!... И многіе, многіе изъ *простодушныхъ* увлекаются такимъ *живымъ краснорѣчіемъ*... А гдѣ это такъ было?—спросили бы. Въ какое время эти люди жили? Гдѣ ихъ мѣстопробываніе? Дѣйствительно ли представленные лица носили на себѣ такія имена?.. И по справкѣ окажется, что вся эта длинная исторія есть таже басня, которую словоохотливыя разсказщицы обыкновенно начинаютъ:—„въ нѣкоторомъ царствѣ, въ неизвѣстномъ государствѣ“.... т. е. нигдѣ. Эта *causegіe* есть не что иное, какъ лукавый вымыселъ какого нибудь праздношатающагося писаки, ненавидящаго *святъ* христіанскаго ученія, который *обличаетъ его злыя дѣла* и на-

рушаетъ его грѣховный сонъ... А то бываетъ въ этихъ романахъ и другихъ литературныхъ произведеніяхъ, называемыхъ почему-то художественными, и такъ: съ дѣлю унизить христіанскую церковь и возбудить къ ней въ читателяхъ равнодушіе и даже пренебреженіе, въ нихъ изображаются дѣйствительныя историческія личности. Но какъ? Тутъ тенденціозные ненавистные къ христіанству писатели обыкновенно искажаютъ дѣйствительную исторію и затѣмъ даютъ полный просторъ вымысламъ. Если были за лицами, преданными вѣрѣ и церкви, какіе либо недостатки, то послѣдніе увеличиваются до такихъ громаднхъ ужасающихъ размѣровъ, что не могутъ не возбуждать отвращенія. Напротивъ о томъ, что было свѣтлаго, добраго въ нихъ и что, при вѣрномъ изображеніи, должно бы внушать любовь и уваженіе, умалчивается, а если и поговорять, то непременно съ пренебреженіемъ—съ желаніемъ отнять у добродѣтелей ихъ чистыя искреннія побужденія.—Примѣровъ такого кощунства можно бы указать много, но на этотъ разъ довольно вспомнить о тенденціозной лжи Мордовцева въ изображеніи раскола, его дѣятелей и патріарха Никона, которая такъ основательно разоблачена недавно почтеннымъ профессоромъ г. Субботинымъ. (*) Съ такимъ же антагонизмомъ и злымъ сарказмомъ они относятся къ убѣжденіямъ, правиламъ и благочестивымъ обычаямъ русскаго народа. Они порицаютъ и осмѣиваютъ простую искреннюю вѣру его, называя ее вредными предрасудками, отъ которыхъ будто происходитъ много бѣдствій. Праздники православной церкви у нихъ получили кличку „*кабацкихъ*“; и они желали бы сократить число ихъ и даже многіе уничтожить, какъ будто церковь располагаетъ къ пьянству и какъ будто только въ это время наши крестьяне съ избыткомъ употребляютъ вино и какъ будто лица, не признающія уставовъ церкви и не участвующія въ ея празднествахъ, менѣе ихъ пьянствуютъ!.. Благоговѣйныхъ, усердныхъ ревнителей правилъ христіанской жизни они клеймятъ позорнымъ именемъ „*ханжей*“ и счи-

(*) Русскій Вѣстникъ 1881 г. Май.

таютъ ихъ вредными какъ для семейства такъ и для общества, молитву называютъ празднымъ занятіемъ, поклоненіе святымъ иконамъ и угодникамъ Божиимъ невѣжественнымъ суевѣріемъ. Такимъ же глумливымъ пересудамъ подвергаются у нихъ постъ, поминовеніе умершихъ, молебны, водосвятіе и проч. О духовенствѣ они никогда не обмолвятся ни однимъ добрымъ словомъ; оно все вообще, безъ исключенія, является на ихъ *лукавое око темною кастою, омрачающею сознание русскаго народа*. Въ своихъ отзывахъ о немъ они повторяютъ на разные лады тѣже ненавистныя сужденія фарисеевъ: *пришелъ Иоаннъ Креститель, обличая ихъ, сказалъ Христосъ, ни хлѣба не ѣстъ, ни вина не пьетъ, и говорите: въ немъ бѣсъ. Пришелъ Сынъ человеческій: ѣстъ и пьетъ, и говорите: вотъ человекъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ* (Лук. VII, 33—34). Имъ и уединенный, постнической жизни инокъ и общительный священникъ одинаково противны. Они стараются всячески унижить и очернить ихъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ возбудить въ другихъ отвращеніе къ *теософіи*, столь имъ ненавистной. Съ нѣкоторыми дѣйствительно недостойными личностями изъ духовенства они обобщаютъ все духовное сословіе, и, при такомъ не логическомъ, ложномъ приѣмѣ въ сужденіяхъ самыя лучшія свѣдѣнія изъ него ставятся подъ спудомъ... Къ глумливымъ сплетнямъ, карриатурамъ и пасквилямъ присоединяются часто злостныя клеветы:—въ одной газетѣ напишутъ, что священникъ съ діакономъ загрызли солдата;—въ другой сочинятъ глупую сказку о томъ, какъ одинъ священникъ, на котораго напали волки, бросилъ имъ на съѣденіе сначала ребенка, потомъ жену и всетаки самъ не спасся отъ смерти, — въ третьей, — что священникъ совершилъ убійство и повѣсился въ олтарь—и все это по справкѣ оказалось чистѣйшею ложью, какъ и многія другія гнусныя сплетни.

Если сравнить литературу нашихъ западныхъ интеллигентовъ и ея пасквили и каррикатуры на благочестивыя нравы русскаго народа и духовенства съ ярлыками монгольскихъ хановъ, то

нельзя не увидѣть, что у послѣднихъ было несравненно болѣе страха Божія, благоговѣнія къ христіанской святынь и уваженія къ русской церковной іерархіи, чѣмъ у этихъ свято-гоновъ, *крещеныхъ язычниковъ*, вытравившихъ у себя разными снадобьями безбожныхъ мудрецовъ сѣмена не только христіанской, но даже естественной религіи, присущей самымъ дикимъ племенамъ... Но оставимъ словопреніе, которое въ этомъ случаѣ можетъ оказаться безконечнымъ.—Обратимся къ официально-засвидѣтельствованнымъ фактамъ. Я думаю, что всякій здравомыслящій судить объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ какаго либо лица или цѣлаго человѣческаго общества не по словамъ и фразамъ, какъ бы они ни были изящны и по видимому, убѣдительно, а болѣе по дѣламъ. Въ послѣднихъ реализируются не только качества ума, но и сердца и воли,—выражается, такъ сказать, весь человекъ какъ внутренней, такъ и внѣшней. Дѣла людей—это тоже что плоды деревьевъ, качества которыхъ мы опредѣляемъ болѣе плодами, а не листьями и цвѣтами. Что же мы видимъ въ фактической сторонѣ жизни нашего отечества? Въ статьѣ г. Р. Минцлова, помѣщенной въ ноябрской книжкѣ Юридическаго Вѣстника за 1881 годъ, находимъ слѣдующее свѣдѣніе: по уголовно-статистическимъ свѣдѣніямъ, издаваемымъ министерствомъ юстиціи, за 1873—77 г.г. получается 36 осужденныхъ на 100000 крестьянъ; другія же сословія, (руководящіяся болѣе литературными убѣжденіями нашихъ интеллигентовъ, а не правилами христіанской жизни,) даютъ несравненно большія цифры: именно, дворяне осуждаются въ количествѣ 910 на 100000 дворянъ; почетные граждане и купцы даютъ 58 осужденныхъ на 100000; мѣщане, отставные нижніе чины и ихъ семейства—110; духовенство же на 100000 не представляетъ даже и двухъ осужденныхъ (1, 71 то есть менѣе двухъ).

Итакъ да посрамятся ненавидящіе Сіона наши западные интеллигенты, презирающіе христіанскую вѣру и церковь,—и да исчезнутъ, какъ дымъ, предъ лицомъ фактической правды всѣ ихъ глумливыя нареканія на порядки и правила церков-

ной жизни! Простой народъ, незнакомый съ ихъ литературою, и руководящійся болѣе церковнымъ ученіемъ въ 25 разъ менѣе доставляетъ изъ своей среды преступниковъ въ сравненіи съ передовымъ сословіемъ, а духовенство менѣе, чѣмъ въ 5000. Да это не у насъ только, но и во всей Европѣ замѣчено, что гдѣ культура разума и основанная на ней цивилизація затемняютъ и подавляютъ своимъ вліяніемъ религіозныя начала жизни, тамъ быстро начинается упадокъ нравственности и увеличиваются разнаго рода преступления. Такія прискорбныя явленія не разъ приводили въ недоумѣніе цѣлое собраніе знаменитыхъ германскихъ педагоговъ, и они затруднялись объяснить ихъ... Но для насъ этотъ вопросъ уже давно рѣшенъ Самимъ Спасителемъ въ рѣчи Его къ Своимъ ученикамъ: *какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ: такъ и вы, если не будете во Мнѣ. — Кто не пребудетъ во Мнѣ, извернется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ.* (Іоан. XV. 4. 6).

Послѣ этого хоромъ пѣвчихъ проиѣтъ былъ концертъ Бортинскаго: „Блаженіи людіе вѣдущіи воскликновеніе: Господи, во свѣтѣ лица Твоего пойдутъ и о имени Твоемъ возрадуются“....

Но не смотря на это, наши интеллигенты—эти *гордые самохвалы*, считающіе въ глазахъ другихъ сучки, а въ своихъ не примѣчающіе бревень, охотно рассуждающіе о благѣ и просвѣщеніи русскихъ крестьянъ и безъ милосердія глумящіеся надъ ихъ благочестіемъ, съ презорствомъ говорящіе о мужицкомъ зипунѣ, лаптяхъ и крестьянской кутузкѣ—эти ренегаты православной церкви и святоотеческихъ преданій—почему-то воображаютъ, что они только и есть умные люди въ Россіи, которымъ суждено просвѣщать русскій народъ и распространять въ немъ цивилизацію.—О какомъ же образованіи они болѣе рассуждаютъ и хлопчутъ?—Разумѣется,—по своему образу и подобию,—о томъ образованіи, которое называется гуманнымъ, реальнымъ, утилитарнымъ, эстетическимъ, исключаяющимъ почти вовсе религіозный элементъ.

Что о такомъ именно образованіи они болѣе хлопчутъ, а не обученіи въ христіанскомъ духѣ,—это прежде всего доказываетъ исторія прежняго времени. Когда наша церковь сама крайне нуждалась, именно въ концѣ прошедшаго и началѣ настоящаго столѣтія, въ просвѣщенныхъ кандидатахъ на пастырскія должности, по внушенію этихъ западныхъ интеллигентовъ, властно выбирались въ большомъ количествѣ изъ духовнаго сословія самые даровитые юноши для составленія контингента высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Это изъятіе лучшихъ талантовъ, которые съ большою пользою могли бы служить благу христіанскаго просвѣщенія, фактически даетъ знать, что наши передовые люди, проникнувшись отрицательными понятіями, вынесенными съ запада, о православной вѣрѣ и церкви, уже давно стали предпочитать христіанству человѣческую науку. На должности священниковъ церковь тогда была вынуждена брать людей неученыхъ „отъ сохи и бороны“, и въ тоже время самыхъ лучшихъ своихъ воспитанниковъ отдавать на служеніе свѣтской наукѣ—это такая аномалія,—въ этихъ фактахъ выражается такое пренебреженіе къ духовнымъ интересамъ церкви, какое прилично только эпохѣ Юліана. Съ этого времени религіозное образованіе видимо все далѣе и далѣе отодвигается на задній планъ. Врачъ, архитекторъ, лѣсничій, ветеринаръ, агрономъ, технологъ, акцизный чиновникъ, учитель средней школы, юристъ и проч. получаютъ высшее образованіе, а священники—ихъ пастыри и учителя въ абсолютномъ большинствѣ только среднее,—и выходитъ, что вполнѣ ученые должны учиться у недоченыхъ, *зрѣлые умомъ у недозрѣвшихъ*. Это опять такая несообразность, которая могла быть допущена только при крайнемъ равнодушіи къ христіанству. Число лицъ, получающихъ высшее свѣтское образованіе въ нашемъ христіанскомъ отечествѣ, едва ли не болѣе, чѣмъ въ 20 разъ превышаетъ число студентовъ духовныхъ академій. Можно ли, при такихъ обстоятельствахъ, ожидать, чтобы пастыри церкви пользовались въ обществѣ авторитетомъ, приличнымъ ихъ званію? Могутъ

ли они считаться почтенными совѣтниками и руководителями по разнымъ вопросамъ знанія и жизни, какими они необходимо должны быть, какъ блюстители ихъ душъ и какъ компетентные судіи мыслей и сердечныхъ стремленій по божественному призванію!!.

И что еще? Нерѣдко встрѣчаются мнѣнія, и ихъ не стыдятся даже проводить въ нашей литературѣ, что пастырямъ церкви и не нужно высокое научное образованіе,—съ нихъ довольно того, чтобы они были благочестивы. Но такія сужденія, когда-то высказанныя въ подобномъ родѣ врагомъ христіанства Юліаномъ, совершенно противорѣчатъ какъ слову Божію, такъ и ученію церкви. Не Самъ ли Спаситель заповѣдалъ апостоламъ: *будьте мудры, яко змія*; не Онъ ли, посылая ихъ на проповѣдь, обѣщаль имъ *дать побѣдоносныя уста, и премудрость* и ниспослать *Духа истины*? Апостолы внушали всѣмъ христіанамъ,—чтобы они *по уму были совершенными и избыточествовали въ разумъ* (I Кор. 14, 20; Фил. 1—9), а пастыри были *образомъ слова*. Что касается до святыхъ и богомудрыхъ отцевъ церкви, то многіе изъ нихъ не только сами отлично знали свѣтскія науки, но и располагали другихъ къ нужному и даже необходимому въ извѣстныхъ случаяхъ знакомству съ ними. Святый Василій В. пишетъ: (*) „мы и въ другихъ писаніяхъ (не вовсе отъ св. Писанія далекихъ) упражняемъ на время духовное око. Намъ предлежитъ подвигъ важнѣйшій—подвигъ, для котораго все должны сдѣлать, для приготовленія къ которому надобно трудиться по мѣрѣ силъ, бесѣдовать и съ стихотворцами, и съ историками, и съ ораторами и со всякимъ человѣкомъ, отъ кого только можетъ быть какая-либо польза къ попеченію о душѣ... Ежели между ученіями есть какое либо сродство, то познаніе ихъ будетъ намъ кстати. Если же нѣтъ сего сродства, то изучать разность ученій, сличая ихъ между собою, не мало служитъ къ подтвержденію лучшаго ученія... Есть нѣкоторыя науки, ко-

(*) Василій Вел. въ русск. перев. т. IV, 1846, стр. 346—347. Егоже т. 2 1845 ст. 122.

торыми пополчаетъ насъ сама истина, чтобы спасительные догматы соблюлись неодолимыми... Сила діалектики есть стѣна для догматовъ и не дозволяетъ расхищать и брать ихъ въ плѣнь всякому, кто хочетъ. А Григорій Богословъ (*) прямо называетъ *глупыми и невеждами* тѣхъ христіанъ, которые пренебрегаютъ внѣшнею ученостію“ т. е. знаніемъ мірской науки во многоразличныхъ ея отрасляхъ. Не видно ли изъ сего, какъ у насъ плохо и низко понимаютъ назначеніе церковнаго служенія, которое будто бы преимущественно состоитъ въ томъ, чтобы исправлять церковныя требы. Пристрастіе къ свѣтской наукѣ ослѣпило очи нашихъ резонеровъ до того, что они не возвысились въ своихъ понятіяхъ о званіи пастырей предъ своими предками, которые имѣли у себя священниковъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ, едва умѣвшихъ читать и писать. Не говорятъ, зачѣмъ нужно высшее образованіе ветеринару, архитектору, лѣсническому, агроному и проч. Но считаютъ его лишнимъ для священниковъ, которые первѣе всего должны быть мудрыми наставниками, искусными врачами душъ и право правящими слово Божественной истины... Все это ясно показываетъ, что у насъ, вслѣдствіе равнодушія къ христіанству, такъ привыкли къ приниженному состоянію клира, какъ прежде къ крѣпостному положенію крестьянъ, въ которыхъ не замѣчали и человѣческаго достоинства... Указываютъ на благочестіе, какъ лучшее украшеніе священника. Это такъ. Но благочестіе, равно какъ и *ревность* къ добру и святости не *по разуму*, производитъ иногда, какъ показываетъ опытъ, такое же нестроеніе въ церкви Божіей, какъ и нечестіе (инквизиція, расколъ и разныя секты). Поэтому между духовными дарами, могущими служить къ благоустроенію церкви, Апостоль Павелъ прямо отдаетъ *преимущество уму* (I Кор. гл. XVI 3.) *кто пророчествуетъ*. т. е. учитъ, *тотъ говоритъ людямъ въ назиданіе, утѣшаніе и утѣшеніе*. А у благочестиваго пастыря, безъ учительства, остаются скрытыми мысли и чувства отъ

(*) Григор. Богосл. слово надгробное Василию въ русск. перев. т. IV, 1844. стр. 63 и 64.

церковнаго общества, какъ бы они сами въ себѣ ни были назидательны. Правда, онъ можетъ учить другихъ примѣромъ своей жизни; но этотъ методъ обученія нѣмъ и не можетъ быть такъ вразумителенъ и убѣдителенъ, какъ слово. Въ отношеніи уроковъ христіанской жизни онъ почти тоже значить, что назидательный символъ или картина въ сравненіи съ ясно опредѣленною рѣчью.

Еслибы церковь владѣла принадлежавшими ей землями; то нѣтъ сомнѣнія, что наши Іерархи для блага ея и славы имени Христова употребили бы все стараніе готовить на пастырскія должности людей высоко-образованныхъ, которые отвѣчали бы требованіямъ времени и общества и были бы готовы ко всякому отвѣту вопрошающимъ ихъ.—Но эти вмѣнія, по интригамъ ревнителей свѣта съ запада, были отняты, и въ видахъ яко бы лучшаго благоустройства и процвѣтанія земли русской, отданы въ ихъ же владѣнія. Церковь потеряла, такимъ образомъ, возможность имѣть въ нужномъ количествѣ просвѣщенныхъ пастырей, требуемыхъ условіями настоящаго времени. Въ Англіи, въ Америкѣ и въ католической церкви религія такъ старательно и ревниво оберегается, что на служеніе ей выступаютъ люди привилегированные изъ ученаго и аристократическаго міра. Они имѣютъ всѣ средства слѣдить за движеніями человѣческой мысли и науки и всегда готовы предупредить вредное вліяніе безбожныхъ ученій. Американскіе пастыри въ извѣстные періоды года дѣлаютъ нарочитыя путешествія по разнымъ просвѣщеннымъ странамъ, чтобы познакомиться съ привліяніями возникающихъ научныхъ теорій и направленіями богословской науки. Въ Англіи какія либо атеистическія идеи, по замѣчанію одного знаменитаго русскаго путешественника (Юрія Самарина), трудно прививаются къ христіанскимъ обществамъ; ихъ даже тамъ не хотяхъ знать и относятся къ нимъ съ полнымъ пренебреженіемъ. Тамъ вліяніе какого либо Штрауса или Фейербаха совсѣмъ незамѣтно и даже имена ихъ игнорируются. И это объясняется тѣмъ, что тамъ члены церкви заранѣе преду-

преждены и приготовлены видѣть несостоятельность и лживость этихъ атеистическихъ ученій своими универсально-образованными и авторитетными пастырями. А у насъ печальными историческими судьбами духовенство такъ поставлено, что даже часто понятія не имѣеть о тѣхъ антирелигіозныхъ убѣжденіяхъ, которыми многіе русскіе живутъ уже давно и приняли ихъ въ руководство мысли и жизни. Кто бредитъ Гегелемъ, кто Боклемъ, кто Огюсть Контонъ, кто Бюхнеромъ, кто Лассалемъ,—идеи ихъ популяризуются почти во всѣхъ журналахъ—съ прибавленіемъ собственныхъ ложныхъ измышлений и фантастическихъ догадокъ;—о нихъ говоритъ и разсуждаетъ, какъ можетъ, вся читающая публика, а пастырь—ея учитель—и по тому самому долженствующій быть компетентнымъ судіею всего, что должно составлять убѣжденія его пасомыхъ, часто нисколько не знаетъ объ этихъ антихристіанскихъ теоріяхъ и ученіяхъ... Требовать послѣ того, чтобы онъ былъ современнымъ пламеннымъ проповѣдникомъ и съ ревностію предохранялъ отъ модныхъ, вредныхъ для нравственности народа ученій,—не есть ли неосновательная претензія, которую однако-жъ очень часто можно встрѣчать въ нашей литературѣ, способной болѣе къ легкомысленнымъ пересудамъ, къ глумленіямъ и къ карриатурамъ, а не выясненіямъ истины. Не то же ли это значить, что требовать хорошаго урожая съ того поля, которое и не воздѣлано и не засѣяно никакою заботливою рукою, или ожидать горячаго кушанья изъ не топленной печи!... Если бы лучшіе люди изъ духовенства по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ поставлены были на стражѣ противъ разныхъ антирелигіозныхъ ученій, имѣли средства и возможность своевременно знакомиться съ источникомъ ихъ, то, нѣтъ сомнѣнія, мы несравненно менѣе встрѣчали бы—разныхъ видовъ безвѣрія и деморализаціи въ нашемъ отечествѣ. Извѣстно, что на Западъ каждый годъ сотни и тысячи отправляются изъ разныхъ сословій—кто съ учеными цѣлями, кто изъ любопытства или по другимъ причинамъ. Тамъ они набираются самыхъ свѣжихъ идей, распространяють

ихъ между другими въ бесѣдахъ и прессѣ,—новизна всегда привлекательна, и такъ или иначе постепенно приобретаетъ себѣ адептовъ. А изъ ученыхъ духовныхъ едва ли тамъ бывають два и три человѣка, и церковь часто остается въ невѣдѣніи, какимъ духомъ и убѣжденіями запасаются ея чада. Въ нашихъ духовно-литературныхъ произведеніяхъ критическія или апологетическія сочиненія противъ вредныхъ заносныхъ идей запада являются по этому довольно поздно, тогда какъ должны бы ихъ предупреждать и обличеніемъ несостоятельности отнимать у нихъ обаяніе.

Этимъ же небреженіемъ о христіанскомъ просвѣщеніи объясняется то, что наши духовно-учебныя заведенія какъ по матеріальному положенію, такъ и по правамъ поставлены гораздо ниже свѣтскихъ школъ и гражданской службы. Общежитія воспитанниковъ въ духовныхъ школахъ, или такъ называемыя бурсы, по своей крайней бѣдности и неприглядной обстановкѣ, являлись притчею во языцѣхъ. Около 60 годовъ настоящаго столѣтія не мало было удивленія у читающей публики, когда одинъ смотритель духовнаго училища объявилъ, что сироты—ученики духовно-учебныхъ заведеній—эти будущіе кандидаты священства гораздо менѣе получаютъ на свое содержаніе, чѣмъ преступники изъ крестьянъ, заключенные въ тюрьмы. Идти на службу въ духовныя школы значило—обречь себя на безправіе и бѣдность. Выходило такъ, что одни и тѣ же лица получали гораздо большія права и лучшія удобства жизни, когда они оставляли службу при духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ и поступали на свѣтскую. Между безчисленными примѣрами, которые всегда и вездѣ можно видѣть каждому, я укажу такой. Одинъ наставникъ въ рязанской семинаріи читалъ Священное писаніе 14 лѣтъ; жалованья онъ получалъ здѣсь вмѣстѣ съ секретарскою должностію и преподаваніемъ Еврейскаго языка около 500 руб. Послѣ 14 лѣтъ службы въ семинаріи, онъ перешелъ въ акцизное вѣдомство и не болѣе, какъ чрезъ два года сталъ получать тамъ 4—5 тысячъ, а чрезъ 6—7 лѣтъ онъ уже онаялся

въ чинѣ генерала съ годовымъ жалованьемъ въ 6000 руб. Если бы онъ прослужилъ въ семинаріи съ примѣрнымъ усердіемъ 50—60 лѣтъ, и тогда не дождался бы такого благополучія. И выходитъ, что служеніе церкви, о которомъ такъ высоко велемудрствуютъ, на самомъ дѣлѣ несравненно ниже цѣнится, чѣмъ надзоръ за продажей вина. Да и теперь должности преподавателей въ церковныхъ школахъ не сравнены по наградамъ съ такими же должностями въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и потому каждый преподаватель пользуется первымъ удобнымъ случаемъ оставить службу въ духовномъ вѣдомствѣ и перейти на такую же или въ гимназію или учительскую семинарію.

А что касается до положенія нашихъ пастырей, то они въ большинствѣ находятся въ такихъ тяжелыхъ, унижительныхъ условіяхъ жизни, какъ ни въ одномъ изъ христіанскихъ государствъ. Тамъ служеніе ихъ оцѣнивается не каждымъ лицомъ по своему вкусу и праву, какъ у насъ, а цѣлымъ обществомъ; тамъ они застрахованы отъ каприза и личныхъ произвольныхъ сужденій. Изъ всѣхъ членовъ нашего отечества и многообразныхъ чиновъ государственной службы одни только пастыри обязаны безпрекословно трудиться для другихъ, не имѣя права налагать цѣну на свой же личный трудъ или отказываться отъ него. И вотъ бѣднѣе цѣнить ихъ по своей бѣдности, которому и копѣйка дорога; скупою невѣжественный богачъ безъ стѣсненія и всякаго контроля ставить ихъ безгласными жертвами сребролюбія, — равнодушный къ религіи и маловѣрующій въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ находитъ удобный случай порисоваться напускнымъ волюндумствомъ, кощунственнымъ пустословіемъ и надменнымъ пренебреженіемъ ко всему священному и проч. и проч.

Если бы поставитъ въ такія условія жизни чиновниковъ другихъ вѣдомствъ: — юстиціи, — просвѣщенія, — и проч., — т. е. жить попрошайничествомъ, — зависѣть въ своемъ существованіи отъ добровольныхъ подачекъ, личныхъ вкусовъ; то, нѣтъ сомнѣнья, они должны бы потерять свой авторитетъ, оказа-

лись бы бессильными въ своихъ правахъ и приниженными, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ члены церковнаго клира. Во многихъ приходяхъ пастыри церкви поставлены въ болѣе невыгодное положеніе, чѣмъ фельдшера, урядники и кондукторы. Исключенные за малоуспѣшность изъ семинаріи или духовныхъ училищъ ихъ товарищи и даже сыновья, оставляющіе духовное вѣдомство, часто далеко опереживаютъ по наградамъ и удобствамъ жизни самаго лучшаго изъ нихъ. Въ духовномъ вѣдомствѣ самымъ выдающимся талантамъ никогда не добиться до того, чтобы они цѣнились и уважались такъ, какъ на другихъ службахъ. Тутъ самыя лучшія силы глоснутъ и самыя умные люди, расположенныя къ наукѣ, вынуждены часто проститься съ книгами, чтобы не остаться безъ средствъ къ пропитанію. Нашъ сельскій священникъ, получающій средства для своего содержанія главнымъ образомъ отъ земли и хозяйства, постепенно долженъ забывать то, что онъ вынесъ изъ школы. У него нѣтъ ни времени заняться умственной работою, ни даже необходимой для такихъ занятій комнаты. Онъ поставленъ почти въ такія же условія жизни, какъ земледѣлецъ крестьянинъ. Если ведетъ свое хозяйство хорошо, много трудится, то у него являются и средства къ содержанію. Если же оставить эти занятія, то необходимо долженъ терпѣть различныя лишенія съ своимъ семействомъ. Когда же тутъ и удобно ли заниматься научными и нравственными вопросами и бдительно наблюдать за духовными нуждами своихъ прихожанъ? Не даромъ по этому молодому кандидату на священство, отличающемуся какими либо способностями, приходится иногда выслушивать сожалѣніе отъ нѣкоторыхъ лицъ — „жаль; не тѣмъ путемъ вы пошли, изъ васъ могъ бы выдти хорошій человекъ!“

(Окончаніе впереди).

СЕМИНАРСКІЙ ПРАЗДНИКЪ ПО СЛУЧАЮ СОРОКА- ДВУХЛѢТІЯ СЛУЖБЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВОЛОГОД- СКОЙ СЕМИНАРІИ А. Н. ХЕРГОЗЕРСКАГО.

14-е Декабря, 1881 года, надолго будетъ памятнымъ для Вологодской семинаріи. Въ этотъ день она, съ архипастыр-скаго благословенія Его Преосвященства, давала праздникъ въ честь старѣйшаго изъ своихъ преподавателей, всѣми ува-жаемаго *Алексыя Никитича Хергозерскаго*, по случаю испол-нившагося сорокадвухлѣтія его службы и выхода его изъ семинаріи. Праздникъ этотъ, отличавшійся самымъ скромнымъ характеромъ, состоялъ въ слѣдующемъ:

Въ первомъ часу по полудни 14-го Декабря въ Кирил-ло-Іоаннобогословской семинарской церкви отслуженъ былъ о. ректоромъ благодарственный Господу Богу молебенъ, въ при-сутствіи всѣхъ преподавателей, въ томъ числѣ и юбиляра, и всѣхъ воспитанниковъ семинаріи. Передъ началомъ молебна и въ срединѣ его по прочтеніи Евангелія, произнесены были двумя учениками VI класса благодарственно-прощальныя рѣчи къ оставляющему службу любимому наставнику. Въ концѣ молебна, послѣ обычныхъ многолѣтій Государю Импе-ратору со всѣмъ Царствующимъ Домомъ, Святѣйшему Сино-ду и мѣстному Архипастырю, провозглашено было многолѣтіе и виновнику праздника.

Послѣ молебна, всѣ наставники отправились въ квартиру о. ректора, а воспитанники собрались въ актовѣй семинар-ской залѣ, куда вслѣдъ за тѣмъ, по желанію ихъ, приглашенъ былъ А. Н.—чъ, чтобы еще разъ проститься съ ними. Трога-тельно было видѣть это прощаніе убѣленнаго лѣтами труже-ника съ юношами, которыхъ отцы, больш. частію теперь убѣ-ленные сѣдинами, въ этихъ же самыхъ стѣнахъ, въ такомъ же цвѣтущемъ возрастѣ были нѣкогда его учениками. По вступленіи А. Н.—ча въ залу, хоръ пѣвчихъ пропѣлъ кон-цертъ Бортиянскаго: „Блажени людіе вѣдущіи воскликнове-ніе“..., по окончаніи котораго юбиляръ, въ сильномъ волне-

ни, прерывающимся отъ слезъ голосомъ, сказалъ, поклонившись воспитанникамъ:

„Благодарю васъ, г. г., за ваше ко мнѣ расположеніе, которое для меня тѣмъ неожиданнѣе, чѣмъ меньше сознаю въ себѣ тѣхъ достолюбезныхъ качествъ, какія вы усвоили мнѣ въ рѣчахъ своихъ (*). Усерднѣйше прошу простить мнѣ недостатки моего преподаванія, особенно въ послѣднее время, когда ослабѣлъ уже мой голосъ старческой. Видитъ Богъ, что тяжело мнѣ разставаться съ вами. Какъ горячо я желалъ бы быть еще для васъ полезнымъ! Но вы также сами видите, что не стало во мнѣ силъ съ пользою служить дѣлу вашего образованія. Благодарю васъ за ваше постоянное вниманіе и усердіе къ моимъ урокамъ. Какъ желалъ бы я, чтобы теперь въ эти рѣшительныя для меня минуты были здѣсь предо мною всѣ, можетъ быть уже нѣсколько тысячъ моихъ учениковъ..., не изъ пустаго и суетнаго тщеславія, но для того, чтобы испросить у нихъ прощеніе въ моихъ недостаткахъ и принести благодарность за ихъ любовь и вниманіе. Ибо въ теченіи моей сорока-двухлѣтней службы я не встрѣчалъ ни отъ кого изъ нихъ себѣ огорченія. Къ утѣшенію моему въ эти послѣднія минуты моего съ вами свиданія свидѣтельствую, что какъ отцы ваши, такъ и вы, мои незабвенные, всегда радовали меня своимъ вниманіемъ и усердіемъ къ слову Божію, хотя я, можетъ быть, нѣкоторыхъ изъ васъ и опечалилъ недостаткомъ умѣнья и силъ къ удовлетворенію вашей любознательности. Простите меня въ этомъ и не будьте моими обвинителями на страшномъ и праведномъ судѣ Христовомъ! Любите науку искренно... особенно любите слово Божіе. Простите, мои милые! Прощайте, мои возлюбленные!“

Отвѣтомъ на эту рѣчь было громкое: „многая лѣта“, много разъ повторенное и не умолкавшее нѣсколько секундъ и по уходѣ юбиляра изъ залы.

Между тѣмъ въ квартирѣ о. ректора сервированъ былъ обѣденный столъ, устроенный корпораціею наставниковъ въ

(*) Разумѣются двѣ рѣчи, сказанныя учениками за молебномъ.

честь юбиляра по подпискѣ, въ которой, кромѣ наставниковъ приняли участіе два помощника инспектора и три городскихъ священника, бывшіе ученики А. Н—ча. (*)

Въ два часа по полудни, всѣ участники скромнаго праздника были въ квартирѣ о. ректора. Вскорѣ прибылъ и Владыка, давшій на канунѣ обѣщаніе, если ничто не помѣшаетъ, лично засвидѣтельствовать свою признательность и благожеланія почтенному юбиляру и раздѣлить вмѣстѣ съ нимъ предложенную ему сослуживцами трапезу.

Первый тостъ во время обѣда былъ за Государя Императора, сопровождавшійся восторженнымъ „ура“. Второй — съ пѣніемъ многолѣтія — за Преосвященнѣйшаго Θεодосія. Третій — за здоровье юбиляра. По возглашеніи этого послѣдняго тоста, о. ректоръ, обратившись къ юбиляру, сказалъ:

„Достоуважаемый Алексѣй Никитичъ! Смотри на Васъ и соображая Вашу жизнь и дѣятельность, я припоминаю въ сіи минуты слова пророка — Псалмопѣвца: „Блаженъ мужъ, воля котораго въ законѣ Господа и о законѣ Его онъ размышляетъ день и ночь. И будетъ онъ какъ древо, насажденное при потокахъ водъ, которое плодъ свой приноситъ въ свое время, и листъ его не вянетъ; и во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ, успѣетъ.“ Не увлекаясь суетными обычаями міра и обходя сокрушенныя кладенцы его, Вы въ уединеніи питались и услаждались тѣми *живыми водами*, которыя текутъ изъ Божественнаго источника. Эти святые воды очищали, оживляли, возвращали и просвѣтляли Васъ, — такъ что Вы всегда обладали живостію, энергіею и полнотою духовныхъ силъ. Погружаясь въ эти воды, Вы и при старческихъ немощахъ горѣли въ нихъ свѣтлымъ пламенемъ, какъ чудная жертва Истинному Богу пророка Іліи, давая вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтлый примѣръ долготерпѣнія, всепреданной любви къ исполненію свя-

(*) Во 1-хъ священникъ Казанской церкви и членъ консисторіи А. П. Мальцевъ, во 2-хъ свящ. Антипьевской церкви и членъ педагогич. собран. правлен. семин. П. А. Поповъ и въ 3-хъ свящ. Благовѣщенской церкви и учитель волог. дух. училища А. А. Одинцовъ.

щennaго долга общественнаго служенія—примѣръ, который не могъ не быть назидательнымъ для каждаго, кто могъ видѣть и знать Васъ и не потерялъ способности подражать доброду. Питаясь этими водами, Вы соблюли свѣтлость ума, живость и нѣжность сердца до преклонныхъ лѣтъ. Плоды Вашей ученой дѣятельности были богаты и какъ нельзя болѣе благовременны не только для нашей, но и для всѣхъ духовныхъ православныхъ семинарій въ нашемъ отечествѣ. (*) Въ продолженіе 42-хъ-лѣтней службы Вы имѣли многое множество учениковъ у себя, и я, съ кѣмъ бы мнѣ ни приходилось говорить о Васъ, всегда имѣлъ удовольствіе выслушивать прекрасныя отзывы, одушевляемые живымъ сочувствіемъ къ Вамъ и разными пріятными воспоминаніями. Что касается наличныхъ учениковъ,—то Вы уже слышали откровенныя выраженія глубокихъ чувствъ уваженія, любви и признательности, которыя они питали и питають къ Вамъ.

„Какъ оцѣнятся Ваши таланты и труды высшими оффиціальными судіями, я не знаю. Но мнѣ думается, что самую лучшую жертву благодаренія Вы уже приняли, и она несомнѣнно будетъ приноситься Вамъ и впредь въ томъ духовномъ вертоградѣ, который Вы воздѣлывали, очищали отъ сорныхъ травъ, обсеивали и поливали. Въ немъ Ваши лавры не завянутъ, и память съ похвалами о Васъ, какъ праведномъ и вѣрномъ дѣлателѣ, останется навсегда.“

На привѣтъ о. ректора А. Н—чь отвѣчалъ, что если и удалось ему, какъ преподавателю, сдѣлать въ послѣдніе годы

(*) Здѣсь разумѣются изданныя въ свѣтъ ученые труды г. Хергозерскаго по части изьясненія Св. Писанія, а именно: во 1-хъ *Исаиинка*, или введеніе въ книги Пьваго Завѣта, напечат. въ 1860 году и рекомендованная Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, какъ полезное учебное пособіе при преподаваніи Свящ. Писанія въ семинаріяхъ; во 2-хъ „*Обозрѣніе пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта*“, напечатанное въ 1872 году, удостоенное половинной преміи Пресв. Макарія и опредѣленіемъ Св. Синода отъ 22—31 Января 1875 года принятое учебнымъ руководствомъ по Св. Писанію въ семинаріяхъ. Кромѣ напечатанныхъ, есть у г. Хергозерскаго не мало и другихъ обработанныхъ трудовъ по изьясненію текста Св. Писанія; но скудость средствъ не позволяетъ ему издать ихъ печатно.

что нибудь полезное для учащихся, то всѣмъ этимъ онъ обязанъ отцу ректору, который кроткимъ управленіемъ своимъ возбуждалъ его къ трудамъ сильнѣе, нежели какъ то достигается приказаніями, а своимъ довѣріемъ къ его преподавательской дѣятельности усугублялъ его ревность. „Не скрою, сказалъ онъ въ заключеніе,—не скрою, что три года тому назадъ я намѣренъ былъ оставить семинарію. Но каждый разъ привѣтливое и доброе слово отца ректора удерживало меня отъ исполненія моего намѣренія. Потому въ послѣдніе три года я всѣ силы свои и способности приносилъ на пользу учащихся какъ посильную благодарность моему незабвенному начальнику за его снисходительность и отеческую попечительность... Да даруетъ ему Господь съ честію и славою много лѣтъ управлять Вологодскою семинаріею!“

Вслѣдъ за симъ одинъ изъ младшихъ преподавателей, Г. И. Можаровъ привѣтствовалъ юбиляра слѣдующимъ экспромтомъ:

“Любезный и маститый товарищ!! Товарищъ.... Мнѣ очень и очень лестно назвать товарищемъ такого почтеннаго и убѣденнаго сѣдинами старца... Это названіе объединяетъ и роднитъ меня съ вами, любезный и многоуважаемый! А. Н., больше, чѣмъ всякое другое.

“Позвольте же мнѣ по товарищески на прощаніи сказать вамъ нѣсколько словъ.

“Сорокъ два года вашей официальной трудовой жизни исполнены такой разнообразной дѣятельности, что въ настоящемъ моемъ короткомъ словѣ я не могу и думать о томъ, чтобы сдѣлать, хотя самое бѣглое обзорѣніе вашихъ многочисленныхъ трудовъ и работъ. Нѣтъ, я въ настоящемъ случаѣ хочу выразить только тѣ чувства, которыя вызываетъ во мнѣ и, надѣюсь, во всѣхъ моихъ товарищахъ разлука съ вами и ваше разставанье съ заведеніемъ, которому вы, любезн. А. Н., посвятили всѣ ваши годы: и годы юности, и годы зрѣлости, и годы вашей почтенной старости.

“Сорокъ два года непрерывной дѣятельности въ этомъ

храмъ науки!.... признаюсь,—это вызываетъ чувство удивленія и чувство радости за человѣка вообще и за ученаго труженика въ особенности. Вы не даромъ учились, вы не даромъ назывались образованнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ. Вы не даромъ готовились къ учительской профессіи на академической скамьѣ: вы съ юныхъ лѣтъ поставили себя на эту профессію и оставались на ней неуклонно въ теченіе всей жизни. Вы не искали и не пробовали счастья въ другихъ сферахъ общественной жизни, какъ дѣлали и дѣлаютъ это многіе и многіе изъ нашей среды. Вы всю жизнь были вѣрны своему призванію. Я съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаю свое вниманіе и нахожу нужнымъ отмѣтить тотъ фактъ, что вы, многоуважаемый А. Н., не хромали на оба колѣна, какъ къ несчастью хромаютъ многіе въ теченіе всей жизни. Вы сразу вступили въ жизнь твердой ногой, намѣтили себѣ цѣль, выработали себѣ убѣжденія и осуществили и воплотили ихъ въ своей кипучей дѣятельности. Удѣлъ по истинѣ завидный и фактъ глубоко знаменательный!... Всѣ мы имѣемъ завѣтные мечты, всѣ мы стремимся осуществить ихъ и выполнить въ жизни наше назначеніе; но, скажите, многимъ ли удается это? Сколько силы и напряженія мысли нужно для того, чтобы выработать цѣльные и законченныя убѣжденія и взгляды, сколько энергіи и настойчивости характера нужно для того, чтобы осуществить и воплотить эти убѣжденія въ жизни. Васъ, любезный товарищъ, Господь Богъ въ высокой степени наградилъ этими драгоценными дарами. Ваша зрѣлость и выработанность завидна, ваша энергія изумительна, ваша настойчивость неподражаема! Съ своей неутомимой и кипучей дѣятельностью, съ своей изумительной бодростью въ вашей разнообразной дѣятельности вы, многоуважаемый А. Н., среди нашей ученой семьи представляете рѣдкій примѣръ труженика, особенно рѣдкій и разительный въ наше время, въ наше странное время, когда каждый стремится только жить и наслаждаться и не хочетъ подуматъ о томъ, чтобы приобрести себѣ нравственное право на это наслажденіе. Да, любезн.

товарищъ, вы не даромъ прожили жизнь; ваша жизнь слишкомъ полна и содержательна въ сравненіи съ жизнью многихъ и многихъ васъ окружающихъ, не въ нашей только ученой сферѣ, но и во всѣхъ сферахъ общественной жизни! И вамъ есть надъ чѣмъ порадоваться, есть за что поблагодарить Бога!! По обширному пространству Вологодской губерніи, раскинувшейся болѣе чѣмъ на полторы тысячи верстъ, въ темныхъ лѣсахъ и въ непроходимыхъ болотахъ высятся святыя храмы божіи и въ этихъ многочисленныхъ храмахъ молитвенниками, служителями и представителями алтаря Господня—все ваши ученики и питомцы, любезный А. Н—чъ! Одна эта мысль способна вызвать благородный восторгъ въ душѣ того, кто столько лѣтъ трудился надъ просвѣщеніемъ и воспитаніемъ людей, по преимуществу призванныхъ быть нравственными руководителями народа, столько нуждающагося въ божественномъ свѣтѣ Евангелія!

Итакъ радость ваша есть радость полезнаго дѣлателя въ насажденномъ Богомъ виноградникѣ.—Сознаніе разумно и полезно проведенной жизни—можетъ ли быть что нибудь выше. благороднѣе и отраднѣе этого сознанія!!!... Но рядомъ съ этимъ свѣтлымъ и лестнымъ сознаніемъ въ васъ, любезн. А, Н., естественно живетъ въ данную минуту чувство скорби, чувство грусти при разставаньи съ семинаріей.... И какъ не быть этой грусти, какъ не быть этой скорби? легко сказать—сорокъ два года жить общей жизнью и при закатѣ дней своихъ оборвать эту натянутую струну, столько лѣтъ издававшую гармоническіе звуки, отрадной волной вливавшіеся въ душу неутомимаго труженика!... Признаюсь: мысль объ этомъ чувствѣ, естественно возникшемъ въ вашей душѣ при разлукѣ съ горячо любимой вами семинаріей, глубоко волнуетъ и меня; минута трогательная и я не могу не раздѣлить съ вами, любезн. А. Н., вашего томительнаго чувства. Было-бы не естественно и странно силиться изгнать и подавить это чувство тамъ, гдѣ его несомнѣнное и законное мѣсто. Нѣтъ, любезн. А. Н., я готовъ скорѣе съ вами плакать, нежели идти съ не-

умѣстными утѣшеніями противъ этой естественной и благо-родной скорби, при разлуцѣ съ любимой вами семинарской семьей, съ этими итенцами, которые на вашихъ глазахъ и подъ вашимъ, совмѣстно съ другими воспитателями, руковод-ствомъ росли и растутъ, мужали и мужаютъ и становятся общественными дѣятелями!...

“Объ одномъ буду просить васъ, люб. А. Н., проведите бодро съ нами эти минуты торжества и празднества, предложеннаго намъ какъ дань уваженія къ вашимъ полезнымъ, многолѣтнимъ трудамъ,—раздѣлите съ нами этотъ праздникъ, примите участіе въ нашей душевной товарищеской бесѣдѣ и пусть это послужитъ вамъ и намъ залогомъ того, что наше нравственное общеніе съ вами не прекратится и послѣ этой разлуки, послѣ этого добровольнаго удаленія вашего на покой!

“Предлагаю тостъ за процвѣтаніе ученыхъ силъ, за нрав-ственную энергію и—за сохраненіе бодрости, здоровья и свѣт-лаго настроенія на весь остатокъ жизни нашему почтенному и многоуважаемому виновнику сегодняшняго празднества!..”

Отвѣчая на товарищеское слово Г. И. Можарова, А. Н.—чѣ сперва выразилъ свою сыновнюю глубочайшую благо-дарность Его Преосвященству за отеческое и благоснисходи-тельное вниманіе къ трудамъ старика, не сознающаго въ себѣ никакихъ достоинствъ особенныхъ и чествуемаго выше за-слугъ дѣйствительныхъ,—за тѣмъ благодарилъ начальствую-щихъ и учащихъ въ семинаріи за настоящее свѣтлое собра-ніе и почетное гостепріимство, которое, конечно, слѣдуетъ относить не къ его заслугамъ, а къ идеѣ трудовъ настави-ческой дѣятельности въ семинаріяхъ, недостаточно цѣнимой въ обществѣ; что его продолжительная служба дала только поводъ настоящимъ торжествомъ нѣсколько усладить горести тяжелыхъ трудовъ не надъ своею будущностію, но надъ уча-стію смиреннаго духовнаго юношества,—трудовъ неусыпныхъ и вполне достославныхъ,—и что по сему за особенную честь себѣ онъ всегда ставилъ принадлежать къ почтенному и до-столюбезному сословію преподавателей Вологодской духовной

семинаріи. „Слабость голоса и болѣзнь груди“, сказалъ онъ въ заключеніе, „побудила меня въ Маѣ текущаго года заявить начальству о моемъ намѣреніи оставить службу при семинаріи, хотя это и было для меня весьма прискорбно. Прошедшая вакація нѣсколько возстановила мои силы... и подъ вліяніемъ своей сердечной привязанности къ семинаріи я начиналъ сожалѣть о своемъ заявленіи. Но прослуживъ минувшій сентябрь, я почувствовалъ, что не могу уже по прежнему говорить въ классѣ долго и вразумительно; а молчаливый наставникъ что за мебель въ классѣ?... И настоящія минуты прощанія тяжелы для меня: онѣ разрываютъ мою многолѣтнюю привязанность, онѣ отчуждаютъ меня отъ возлюбленнаго и высоко цѣнимаго мною сословія преподавателей семинаріи... Конечно, мои немощи были причиною того, что я давно уже жилъ въ уединеніи. Не доставало у меня силъ дѣлать, такъ называемые, визиты. Но я всегда былъ радъ товарищу, приходившему навѣстить старика и провести съ нимъ время въ дружеской бесѣдѣ. О если бы это продолжалось и впредь по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, чтобы мнѣ не вдругъ быть погребеннымъ во всепоглощающихъ нѣдрахъ забвенія... И такъ, мои добрые и снисходительные начальники и достоуважаемые товарищи, позвольте мнѣ ласкать себя надеждою, что Вы не предадите меня тотчасъ забвенію... Да здравствуютъ начальствующіе и учащіе въ Вологодской семинаріи! Да благоденствуетъ она и процвѣтаетъ на многія и премногія лѣта!!

Въ концѣ обѣда, одинъ изъ присутствовавшихъ священниковъ—о. Н. А. Поповъ, вспомнивъ свое семинарское ученіе, не могъ удержаться, чтобы не высказать юбиляру общихъ симпатій къ нему со стороны бывшихъ его воспитанниковъ не только за отличное преподаваніе, но и за гуманное съ ними обращеніе.

„Позвольте, дорогой Алексѣй Никитичъ, и мнѣ (такъ началъ о. Поповъ) бывшему Вашему воспитаннику, сказать нѣсколько неподготовленныхъ словъ! Говорятъ, что у чело-

вѣка память—*коротка*. Относительно памяти *сердца* позво- тельно въ этомъ усомниться. Вотъ тому доказательство. Послѣ выхода изъ семинари я 28 лѣтъ не имѣлъ съ нею общенія; несмотря на то во все это долгое время вашъ свѣтлый образъ постоянно носился въ душѣ моей, и я всегда съ удовольст- віемъ останавливался моею мыслію на вашей личности; когда же я перешелъ на служеніе сюда, то встрѣтился съ вами, какъ съ роднымъ человѣкомъ. Чѣмъ же вы заслужили отъ насъ, своихъ воспитанниковъ, такую, необычующь можно ска- зать—всеобщую, любовь и привязанность къ себѣ?—Мы по- любили васъ, какъ наставника, выдающагося своимъ умомъ, — хорошо знающаго свой предметъ и умѣвшаго занимать насъ во время классическихъ занятій,—полюбили васъ, какъ чело- вѣка, усерднаго къ исполненію своего наставническаго долга, и, наконецъ, мы полюбили васъ за ваше гуманное съ нами обращеніе. Последнее качество цѣнится и въ настоящее вре- мя, а еще болѣе оно цѣнилось нами воспитанниками, учивши- мися лѣтъ 30—40 тому назадъ, особенно—учившимися въ уѣздныхъ училищахъ.—Я не думаю оскорбить вашей скром- ности, если позволю себѣ припомнить здѣсь два три эпизода изъ моей семинарской жизни, свидѣтельствующіе какъ о на- ставническомъ вашемъ талантѣ, такъ и о вашей къ намъ гу- манности. Учасъ въ такъ называвшемся философскомъ классѣ и еще не бывши вашимъ ученикомъ, я, вслѣдствіе лестной между нами молвы о вашихъ преподавательскихъ способно- стяхъ, полюбозытствовалъ однажды послушать васъ во время классическихъ вашихъ занятій и съ тѣхъ поръ много разъ и всегда съ удовольствіемъ посѣщаль ваши лекціи. Разъ, будучи спрошенъ вами, я отказался незнаніемъ заданнаго намъ урока; вы кротко замѣтили мнѣ: „что-то вы, столпы израилевы, под- гниваете“!... Выраженіе: „столпы“ употреблено вами въ томъ смыслѣ, что я былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ. Доста- точно было и такого шуточнаго замѣчанія со стороны столь гу- маннаго, какъ вы, наставника, чтобы на будущее время я всегда былъ прилежнымъ къ изученію задаваемыхъ уроковъ.

А будь бы оно сказано въ другомъ, болѣе строгомъ видѣ,— я не ручаюсь за исправительное дѣйствіе его на меня!... Въ другой разъ, уже передъ самымъ моимъ выходомъ изъ семинаріи, я углубился въ разсмотрѣніе только что переданныхъ мнѣ вами въ классѣ нѣсколькихъ письменныхъ предложеній для сочиненія на публичный экзамень и не обращалъ вниманія на рѣшавшійся въ то время какой-то вопросъ; будучи спрошенъ вами, я отвѣчалъ, что, будучи занятъ предложенными отъ васъ темами для сочиненія, я во все не слушалъ того, что рѣшалось моими товарищами, и потому ничего не могу сказать объ этомъ съ своей стороны. На такое мое отреченіе вы, со свойственною только вамъ, а для меня еще и до сихъ поръ памятною, улыбочкою замѣтили мнѣ извѣстными словами Спасителя: *сія подобаше творити, и онъхъ не оставляти*. Такое ваше скромное замѣчаніе вызвало на лицѣ мсемъ краску, а въ душѣ моей — полное сознаніе справедливости сдѣланнаго замѣчанія.

„Сказаннаго мною, думаю, достаточно для объясненія того, за что мы, ваши воспитанники, любили и въ теченіе десятковъ лѣтъ не забываемъ васъ, своего дорогаго наставника. Да будетъ же благодарная память воспитанниковъ вамъ и всѣмъ, честно и усердно трудящимся въ дѣлѣ обученія духовнаго юношества, утѣшеніемъ и духовнымъ восполненіемъ той матеріальной скудости, на которую, сравнительно съ другими вѣдомствами, обречены наставники нашихъ духовно-учебныхъ заведеній!“

Около пяти часовъ вечера обѣдъ кончился—и Его Пресвященство, пожелавъ достопочтенному юбиляру долгихъ, счастливыхъ, мирныхъ дней жизни и преподавъ ему и всѣмъ присутствовавшимъ архипастырское благословеніе, оставилъ собраніе. Послѣ отбытія Владыки, еще съ часъ продолжалась дружеская бесѣда съ выбывающимъ товарищемъ и наконецъ всѣ простились съ нимъ, пропѣвъ ему общимъ хоромъ „многая лѣта.“

Въ дополненіе къ описанію праздника 14 Декабря, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о служебной дѣятельности юбиляра. Уроженецъ Олонецкой епархіи, сынъ причетника, А. Н—чъ обучался съ 1829 по 1835 годъ въ Олонецкой семинаріи, потомъ съ 1835 по 1839 годъ въ С.-Петербургской духовной академіи, по окончаніи въ которой курса съ причисленіемъ ко 2-му разряду воспитанниковъ, опредѣленъ въ томъ же году, Сентября 27 дня, въ Вологодскую семинарію учителемъ по классамъ церковной исторіи и священнаго писанія, а 31-го Декабря возведенъ на степень кандидата. Въ 1840 году, вслѣдствіе преобразованія учебной части въ семинаріяхъ, перемѣщенъ 3 Сентября на должность наставника по классу изъясненія свящ. писанія, патристики и соединенныхъ предметовъ во вторыхъ классахъ высшаго и средняго отдѣленія семинаріи. Въ 1869 году, по случаю преобразованія семинаріи по новому уставу, опредѣленъ преподавателемъ по классу изъясненія свящ. писанія. Кромѣ главной преподавательской должности, въ разное время занималъ онъ и другія должности по семинаріи, а именно:

а) былъ помощникомъ инспектора съ 4 Ноября 1842 по 26 Апрѣля 1844 года;

б) исправляющимъ временно должность эконома семинаріи съ 4 Августа по 5 Сентября 1844 года;

в) секретаремъ временнаго строительнаго комитета при семинаріи съ 2 Апрѣля 1853 по 2 Августа 1856 года;

г) секретаремъ правленія семинаріи въ теченіе 17-ти лѣтъ съ 7 Марта 1850 по 6 Мая 1867 года;

д) преподавателемъ нѣмецкаго языка въ продолженіе 27 лѣтъ, съ 22 Ноября 1841 по 21 Ноября 1869 года;

е) членомъ распорядительныхъ и педагогическихъ собраній семинарскаго правленія въ теченіе 14 лѣтъ съ 1867 по 1881 годъ.

Въ 1870 году, въ Іюнѣ, по порученію Правленія семинаріи, ревизовалъ Устюжское и Яренское духовныя училища.

Въ теченіе сорокадвухлѣтняго періода своей службы, А.

И - чь получаль слѣдующія, по порядку времени, награды, отличія, благодарности и проч., отъ высшаго и отъ мѣстно-епархіального начальствъ:

1) За усердную и полезную службу назначено ему квартирное пособіе, по 40 руб. въ годъ, изъ остаточныхъ суммъ семинаріи, 16 Декабря 1843 года;

2) Вслѣдствіе ревизіи Вологодской семинаріи 1845 г., за ревностную и исправную службу, изъявлена ему благодарность отъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода чрезъ окружное академическое правленіе, въ Маѣ 1846 года.

3) Вслѣдствіе ревизіи Вологодской семинаріи 1848 года, награжденъ, за отлично исправную и усердную службу, годовымъ окладомъ учительскаго жалованья 321 руб. 75 коп. въ Іюль 1849 года.

4) За усердное и исправное прохожденіе обязанностей по званію секретаря строительнаго комитета по перестройкѣ зданій Вологодской семинаріи, выданъ ему годовой окладъ жалованья—321 р. 75 к. по опредѣленію Св. Синода въ Іюнь 1856 года.

5) Вслѣдствіе ревизіи Волог. семинаріи 1854 года, по ходатайству Правленія Моск. дух. академіи, награжденъ за усердную службу выдачею годоваго оклада наставническаго жалованья—321 р. 75 к. по опредѣленію Св. Синода въ Апрѣль 1855 года.

6) Вслѣдствіе ревизіи Волог. семинаріи 1859 года, за преимущественно успѣшное преподаваніе и тщательность по должности секретаря Правленія семинаріи, награжденъ полу-годовымъ окладомъ жалованья—160 р. 87½ к. изъ духовно-учебныхъ капиталовъ по опредѣленію Св. Синода въ Октябрѣ 1860 года.

7) При увольненіи, по прошенію, отъ должности секретаря семинар. Правленія, объявлена ему Епархіальнымъ Преосвященнымъ глубочайшая признательность за честные и долговременные труды по секретарству въ Маѣ 1867 года.

8) За отлично усердную и полезную службу преподано

ему Архипастырское благословеніе въ Сентябрѣ 1868 года.

9) За долговременную и полезную службу, по ходатайству епархіальнаго начальства, Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Анны 3 степени, 16 Апрѣля 1868 года.

10) Во вниманіи къ особымъ достоинствамъ, основательнымъ познаніямъ въ преподаваемомъ предметѣ и способностямъ въ преподаваніи и въ уваженіе къ особому ходатайству мѣстнаго Преосвященнаго и члена—реvizора учебнаго комитета ст. сов. Керскаго, по выслугѣ 30 лѣтъ оставленъ впредь до усмотрѣнія на занимаемой имъ должности, по указу Св. Синода отъ 5 Августа 1869 года.

11) За полное вниманіе и усердіе и отличное выполненіе порученнаго ему дѣла по ревизіи Устюжскаго и Яренскаго духовныхъ училищъ, объявлена ему Епархіальнымъ Преосвященнымъ благодарность въ Октябрѣ 1870 года.

12) Въ премію за сочиненіе „Обозрѣніе Пророческихъ книгъ Ветхаго Заветъа“ выдано ему 500 рублей по опредѣленію Св. Синода отъ 12 Февраля 1875 года.

13) За долговременную и отлично усердную службу, по засвидѣтельствуванію г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владимира 4 степени, Апрѣля 13, 1875 года.

14) По вниманію къ свыше 36-ти лѣтней отлично усердной службѣ выдано ему 300 рублей по опредѣленію Св. Синода отъ 2 Іюня 1875 года.

15) Высочайшимъ приказомъ по духовному кѣдому, состоявшимся 16 Апрѣля 1878 года пожалованъ чиномъ статскаго совѣтника.

16) Высочайшимъ указомъ, даннымъ капитулу Императорскихъ и Царскихъ орденовъ въ 22 день Августа, 1880 года, Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за ХІ лѣтъ, за выслугу въ классныхъ чинахъ. Имѣетъ бронзовую медаль въ память войны 1853 — 1856 годовъ.

Вышеприведенные факты изъ формуляра А. Н — ча крас-

норѣчивѣ всякихъ словъ свидѣтельствуютъ о высокиихъ достоинствахъ служебной его дѣятельности. Столь же краснорѣчивы и нижеслѣдующіе два отзыва о немъ, какъ преподаватель, данные двумя компетентными судьями семинарскихъ дѣлъ, членами-ревизорами Учебнаго Комитета, обзорѣвавшими Вологодскую семинарію въ 1869 и 1872 годахъ. Одинъ изъ нихъ (С. В. К—скій) говоритъ: „Изъ неоднократныхъ посѣщеній классовъ св. писанія я вынесъ убѣжденіе, что г. Хергозерскій можетъ быть названъ полнымъ хозяиномъ своего дѣла; что при глубокомъ, основательномъ и всестороннемъ знаніи предмета онъ въ состояніи безъ всякаго приготовленія предлагать самыя подробныя и обстоятельныя объясненія на любое мѣсто Писанія. Безъ всякаго затрудненія онъ цитируетъ на память греческія и латинскія выдержки изъ отеческихъ твореній, тутъ же переводимые имъ на русскій языкъ, также мѣста изъ православныхъ и западныхъ экзегетовъ, а иногда даже изъ Талмуда и сочиненій ученыхъ раввиновъ и, гдѣ нужно, приводитъ подлинныя слова еврейскаго текста, или греческаго перевода седмидесяти. Проникнутыя огнемъ одушевленія и любви къ наукѣ, объясненія его слушаются воспитанниками съ живѣйшимъ сочувственнымъ вниманіемъ и безъ сомнѣнія должны неотразимо вліять столько же на научное ихъ развитіе, сколько на развитіе и укрѣпленіе въ нихъ нравственно-религіознаго направленія“.—Другой ревизоръ 1872 года (С. И. М—скій) въ своемъ отчетѣ пишетъ: „Хергозерскій, при глубокихъ и обширныхъ свѣдѣніяхъ, при отличномъ знаніи текста священныхъ книгъ и при замѣчательныхъ лингвистическихъ познаніяхъ отличается такимъ усердіемъ, которое дѣлаетъ его примѣромъ для всей корпораціи. Онъ отъ всѣхъ пользуется рѣдкимъ уваженіемъ и имѣетъ сильное и весьма благотворное нравственное вліяніе на учениковъ... Отношеніе его къ письменнымъ ученическимъ работамъ можно назвать образцовымъ.“ (*)

(*) Въ послѣдующихъ ревизіяхъ эти похвальные отзывы о г. Хергозерскомъ только повторены, какъ не требующіе измѣненій по качествамъ служебной дѣятельности этого преподавателя.

Прибавимъ къ этому съ своей стороны, что и всѣ вообще отношенія А. Н—ча къ служебнымъ обязанностямъ были, можно сказать, образцовыми и достойными. Всякое официальное дѣло онъ старался исполнять и исполнялъ со всевозможною точностію и аккуратностію, не отступая отъ буквы закона. Такъ на прим. въ дореформенное время семинаріи, когда классные уроки, согласно старому семинарскому уставу, продолжались—*horribile dictu!*— по два часа каждый, и когда иные наставники всячески старались, сколько возможно, сокращать это урочное время (на что снисходительно смотрѣло и само тогдашнее начальство), только А. Н—чь высиживалъ эти двухчасовые уроки сполна, отъ звонка до звонка. Съ такою же математическою точностію всегда являлся онъ въ послѣреформенное время на педагогическія собранія, обыкновенно назначаемыя въ вечернее, не всегда удобное, время. Эта-то неизмѣнная, изо дня въ день, въ продолженіи 42-хъ лѣтъ аккуратность въ исполненіи долга и всегда добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, съ одной стороны снискали ему то общее отъ всѣхъ уваженіе, съ другой— имѣли то благотворное нравственное вліяніе на учениковъ, о которыхъ говорятъ ревизоры въ своихъ отчетахъ...

Остается пожелать юбиляру еще долгихъ и спокойныхъ лѣтъ жизни (*).... Имя его всегда съ уваженіемъ и признательностію будетъ произноситься въ вологодской семинаріи, которой онъ послужилъ столь необыкновенно долго (**)

(*) Въ настоящее время юбиляру 70-й годъ отъ роду.

(**) До А. Н. Хергозерскаго въ вологодской семинаріи былъ только одинъ примѣръ свыше—сорокалѣтней службы одного преподавателя, а именно: бывшій въ ней профессоромъ физики и математики протоіерей Михаилъ Васильевичъ Васильевскій (сконч. въ 1850 г.) состоялъ на семинарской службѣ 43 года, съ 1804 по 1847. Такимъ образомъ эти два ветерана наполнили свою службу болѣе трехъ четвертей столѣтія. Служба А. Н—ча продолжалась при девяти Вологодскихъ архіереяхъ, при девяти ректорахъ, при девяти инспекторахъ, при девяти ревизорахъ; при немъ смѣнилось въ семинаріи до 60-ти преподавателей, выбывшихъ изъ нея или смертію, или переходомъ въ другія семинаріи и въ другія вѣдомства.

такой честию и пользою, и благодарная память о немъ никогда не угаснетъ въ сердцахъ его многочисленныхъ слушателей—воспитанниковъ семинаріи 1839—1881 годовъ.

Н. С.

РАЗНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Средство отъ обжога.

Тотчасъ послѣ обжога, все равно чѣмъ бы ни было—кипятомъ, каленымъ желѣзомъ, купоросомъ и т. п., нужно помазать обожженное мѣсто масломъ, какое случится въ домѣ, только не керосиномъ, и за тѣмъ, посыпавъ мелкою солью, втирать ее. Если по прошествіи двухъ секундъ боль не уймется, помазать опять масломъ и опять посыпать солью. Но важнѣе сдѣлать это какъ можно скорѣе, такъ какъ если между обжогомъ и примѣненіемъ вышеупомянутаго средства пройдетъ нѣсколько минутъ, то хотя боль утихнетъ, но пузыри все-таки появятся.— (Нив. № 28 за 1880 г.).

Какъ спасать лошадей отъ пожаровъ.

Все знаютъ, какъ трудно бываетъ вывести лошадей изъ конюшни, когда по сосѣдству бываетъ пожаръ. Но лошади большею частію послушно выходятъ изъ стойла, если ихъ осѣдлатъ или надѣть на нихъ сбрую (Нив. № 15, за 1881 г.).

Предохранительное средство отъ сырости.

Жуженая негашеная известь, уложенная въ жестяную посуду, служить однимъ изъ лучшихъ средствъ предохраненія, въ сырыхъ комнатахъ, бѣлья, книгъ и т. п. отъ влаги и плѣсени. Не меньшую услугу оказываетъ въ комнатѣ больного или сырой спальнѣ соль, поставленная въ большой тарелкѣ ли банкѣ подъ кроватью: она впитываетъ въ себя влагу просушенная въ тепломъ мѣстѣ, соль дѣйствуетъ, за тѣмъ, съ прежней силой (Нив. № 34 за 1881 г.).

Самый простой и дешевый способ очищать испорченную воду.

Способъ этотъ весьма простъ и состоитъ въ томъ, что на 100 метровъ воды (6 пудовъ жидкости по объему 8 ведеръ) кладутъ два сырыхъ яичныхъ бѣлка. Эта смѣсь нагревается до кипяченія и бѣлокъ, свертываясь, захватываетъ всѣ, плавающія въ водѣ, вещества. Послѣ этого воду процеживаютъ сквозь холстину, давая водѣ, съ цѣлью привести ее въ соприкосновеніе съ воздухомъ, падать въ поставленный сосудъ съ нѣкоторой высоты. Этимъ способомъ вода изъ всякаго пруда лужи можетъ быть обращена въ годную въ употребленіе.

(Русск. Вѣд. № 153, 1881 г.)

Содержаніе:

- 1) Рѣчь, сказанная въ день празднованія четвертой годовщины Попечительства о бѣдныхъ воспитанникахъ Вологодской семинаріи, 13 Декабря, 1881 года. (Продолженіе).—2) Семинарскій праздникъ по случаю сорокадвухлѣтія службы преподавателя Вологодской семинаріи А. Н. Хергозерскаго.—3) Разныя извѣстія.

Редакторъ Н. Суворовъ.

Дозволено цензурою. Января 14 дня, 1882 года. Вологда.

Въ типографіи Губернскаго Правленія.